

Аманжолова Д.А.

Институт российской истории РАН, Москва, Россия

E-mail: amanzholova19@mail.ru

КАЗАХСКАЯ СТЕПЬ В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ 1917–1920 гг.

Аннотация. Статья посвящена анализу роли казахской элиты в геополитических процессах начала XX века в контексте идей мировой революции. Основная цель исследования заключается в рассмотрении реакции казахской элиты на изменения в геополитической ситуации, идеи мировой революции в их стратегии и взаимодействии с центральной властью в контексте этих идей. Автор статьи использует различные методы исследования, такие как анализ исторических источников (газеты, журналы, статьи, книги), сравнительный анализ, критический анализ и исторический анализ. Основными задачами исследования является проведение комплексного анализа взглядов казахской элиты на геополитические процессы начала XX века и оценка влияния идей мировой революции на их стратегию. Статья вносит ценный вклад в изучение истории Казахстана и Центральной Азии. Она может быть использована исследователями, политиками и широкой общественностью для лучшего понимания сложной динамики начала XX века. Новизна статьи – автор предлагает новый взгляд на некоторые аспекты взаимоотношений казахской элиты с центральной властью. Результаты исследования показывает, что казахская элита играла активную роль в геополитических процессах начала XX века. Идеи мировой революции имели значительное влияние на их стратегию. Взаимодействие казахской элиты с центральной властью было сложным и противоречивым.

Ключевые слова: казахская элита, геополитика, мировая революция, национализм, алашординцы, большевики, Туркестан.

Введение

Начало XX века отмечено более активным вовлечением традиционных обществ России в модернизационные процессы, порождая в их образованных слоях попытки осмыслить и артикулировать новые вызовы, поставить в повестку дня осознание многонародности как естественного воплощения целостности евразийского пространства страны и в то же время потребности внутриэтнической консолидации в интересах адаптации к быстро меняющимся условиям. Для России в ее имперском и советском воплощениях такая культурная сложность всегда была важным фактором тесной взаимосвязи внутренней и внешней политики. Далеко не все народы и их элиты, получив в 1917 г. возможность включиться в политический процесс, смогли заявить о себе как относительно самостоятельные или влиятельные его участники. В Казахской степи осознание этнической целостности отставало от вызовов современности, и даже элита кочевого общества поначалу лишь эпизодически выходила на попытки осмыслить место региона в геополитическом контексте. Это было связано, видимо, с состоянием самого социума на пороге революционных потрясений и его локализацией в политическом пространстве Евразии.

Наибольшая в сравнении со среднеазиатскими народами интегрированность степи в общегосударственное культурное и общественное поле, с одной стороны, подстегивала вовлечение казахской интеллигенции во всероссийские политические процессы, с другой, стимулировала ее представителей к формулированию собственной программы модернизации. Это порождало и определенный интерес к опыту антропологически схожих

народов Азии, среди которых успешным примером служила Япония. Снижение внешнего престижа государства в ходе неудачной войны 1904-1905 гг. неизбежно усиливало критический настрой к его внутренней политике и соблазн увлечения далеким и малознакомым миром побеждавшей в дальневосточном конфликте стороны.

Материалы и методы исследования

Исследование Казахской степи в период с 1917 по 1920 годы в условиях геополитических трансформаций может включать следующие методы и подходы:

Архивные источники: Изучение архивных документов, включая официальные документы, письма, отчеты, протоколы заседаний и т.д., помогает воссоздать обстановку того времени и понять геополитические процессы в регионе.

Исторический анализ: Анализ исторических событий, политических решений и действий ключевых фигур того времени позволяет оценить влияние геополитических факторов на развитие Казахстана и его степных областей.

Этнографические исследования: Изучение этнического состава населения, их культуры, обычаев, образа жизни и экономических особенностей помогает понять влияние геополитических изменений на жизнь обычных людей в степных районах.

Анализ географических данных: Изучение географических особенностей региона, его природных ресурсов, транспортных коммуникаций и демографических характеристик может дать представление о стратегической значимости Казахстана в контексте геополитических трансформаций.

Сравнительный анализ: Сопоставление событий в Казахстане с происходящими в других регионах, особенно в контексте революционных процессов и гражданской войны, помогает выявить уникальные особенности развития Казахстана в этот период и его связь с глобальными геополитическими процессами.

Антропологический подход: Изучение социокультурных изменений, связанных с геополитическими трансформациями, через призму человеческого поведения, менталитета, идентичности и социальных взаимодействий.

Эти методы исследования были использованы как отдельно, так и в комбинации, чтобы получить наиболее полное представление о влиянии геополитических процессов на Казахскую степь в указанный период времени.

Обсуждение

Тема «Казахская степь в условиях геополитических трансформаций 1917–1920 гг.» является предметом исследования историков, этнографов, политологов и других специалистов уже на протяжении длительного времени. Однако степень изученности этой темы может варьироваться в зависимости от конкретных аспектов и методов исследования. Вот несколько факторов, которые могут влиять на степень изученности темы:

Источники и доступ к архивам: Наличие доступа к архивным материалам, как в Казахстане, так и за его пределами, играет ключевую роль в изучении данной темы. Некоторые архивы могут быть недоступны или ограниченно доступны из-за политических или организационных причин.

Научные исследования: Существует значительное количество научных работ, посвященных истории Казахстана, включая его степные районы, в период с 1917 по 1920 годы. Однако, некоторые аспекты этой темы могут быть недостаточно исследованы или требуют дополнительных исследований.

Международное внимание: Интерес мирового сообщества к истории и политике Центральной Азии может также повлиять на степень изученности темы. Исследования,

проводимые международными исследовательскими группами или учеными, могут дополнить существующие знания и пересмотреть прежние теории.

Антропологические исследования: Изучение этнокультурных аспектов жизни населения степных районов Казахстана в период геополитических трансформаций также может быть важным направлением исследований, которые могут быть менее изученными по сравнению с политическими и военными аспектами.

В целом, тема «Казахская степь в условиях геополитических трансформаций 1917–1920 гг.» является активно исследуемой, но, как и любая историческая тема, всегда остается местом для новых открытий, трактовок и дополнительных исследований.

Результаты исследования

Прогресс Запада, подтверждавшийся промышленными и научными достижениями России, оказался гораздо более привлекательным для уже включенных в ее культуру и идентифицировавших себя в качестве сограждан многонациональной страны интеллектуалов. Между тем поликультурное евразийское пространство в результате революции решительно трансформировалось – менялись не только политико-административные, экономические, этносоциальные, культурные, внешние правила жизнедеятельности народов. Происходили сложные и даже трагические перемены в системе этноконфессиональных ценностей, идеологических предпочтений и самих условий развития крупных и небольших общностей (народов, сословий, профессиональных сообществ, творческих и иных страт). Распад огромного государства обернулся жесточайшей гражданской войной, драматической реализацией глобального социального проекта - СССР и перестройкой всей международной системы. Но геополитический статус России даже в условиях транзита власти при доминировании русских как ядра и основы евразийской политики объективно превращал остальные ее народы в объекты международной и внутренней борьбы, несмотря на наличие у них относительно значимой элиты.

В конечном счете, именно те образованные националы, что объединились вокруг Букейханова, играли главную роль идейно-политической жизни казахского общества в начале прошлого столетия, определяли характер и направленность этнополитических процессов в Степи. С началом балканских войн в газете «Казах» выражалась обеспокоенность конфессиональным эгоизмом и опасностью политики европейских стран, жестокостью противников и угрозой мировой войны. Букейханов пишет: «Европейские страны говорят, что они христиане и правы, но на самом деле они ведут себя как волки. ...Наша страна не может не помогать Сербии, родственнику и ученику, которого мы учили в течение сорока лет...». Казахские интеллектуалы не отделяли себя от страны. В 1916 г. лидеры общества призывали: «Соотечественники - русский народ; единоверцы мусульмане, татарский народ, а также другие соседние народы горят в пламени пожара. Нельзя нам оставаться в стороне» (Казах. 1916. 11 августа). Столь расширительное понимание места казахов в меняющемся мире, предложенное элитой, поддерживалось импульсами снизу – слухи стали информационным полем, включавшим массовое сознание в глобальный контекст, где Энвер-паша выступал символом тюркского единства, а далекая Германия – возможным актором военных действий в Туркестане [1]. Продолжавшаяся почти до конца 1918 г. мировая война обозначила опасность турецкого влияния и панисламизма в Степи, но на деле ни в массах, ни среди интеллигенции этот фактор оказался несущественным. Более того, казахский образованный класс проявил гражданскую сознательность и патриотизм, даже выступив против насильственных действий восставшего в 1916 г. населения, призываемого на тыловые работы [2].

В целом Первая мировая война заставила казахскую политическую элиту более внимательно анализировать место своего региона в мире и судьбы народов Евразии в

международном аспекте. Цивилизаторская прогрессистская западная модель, которая считалась образцовой и к которой через русскую культуру они устремляли свои помыслы, обернулась чреватой жестоким насилием, кровавыми межэтническими конфликтами вплоть до геноцида, разрушением национального государства, считавшегося вершиной модернизации. Это стимулировало этноцентристскую ориентацию алашевцев, считавших, что у казахов нет внутреннего социального раскола, правда не избавило их от привязанности западным проектам. В их автономизме отражались полезные цели вестернизации: общее гражданство вне зависимости от религиозной и этнической принадлежности, равенство перед законом, увеличение роли светских организаций, начальное образование и др.

Как считал в 1918 г. один из казахских интеллектуалов, автономия в составе России позволит казахам подобно Швейцарии и США иметь министров, парламент и суд, но действовать на международной арене как одна страна [3]. Букейханов подчеркивал объективную включенность в общероссийский дискурс и подчиненность ему «западных» ориентиров алашевцев: «Мы – западники. В своем стремлении приобщить народ к культуре мы нее смотрим на Восток... Получить культуру мы можем... через Россию, при посредстве русских». Он признавал, что казахские политические силы «составляют часть единой России, что автономные области в концерте мировых держав не могут играть никакой роли, если бы они захотели создать какое-нибудь маленькое сепаратное государство» [4]. Обжитой геополитический ландшафт Евразии, в котором Степь воспринималась как его вполне комфортная органическая часть, удерживал казахских демократов от рискованных попыток перейти к самостоятельным действиям и добиваться независимости. Принужденные лавировать между ведущими игроками на пространстве воюющей страны, они апеллировали к международным и наиболее сильным партнерам, используя их символы и декларации о мировой революции или сердечном согласии и в обратном порядке для выигрыша времени и получения тех или иных дивидендов.

Между традицией, на которой зиждилось казахское общество, и двумя вариантами западной прогрессистской парадигмы модерна – национализмом и интернационализмом – алашевцы выбрали национализм, сохраняя прочную приверженность общероссийскому политическому пространству не только в качестве граждан единой страны, но и уже в роли одного из субъектов процесса реорганизации государства после распада империи. В 1918 г. в журнале «Абай» М. Ауэзов опубликовал статью «Япония», в которой описал переход восточной страны от закрытости к быстрой модернизации. По его мнению, «в наше время существует масса всевозможных условий для того, чтобы невежественный народ влился в ряды передовых». Он обратил внимание на несколько основных факторов, обеспечивших, по его мнению, впечатливший алашординцев прогресс, – установление – 1) в конце XIX века «в стране установилась справедливая власть. Правительство и народ стали ближе друг к другу, родилось равноправие»; 2) развитие науки, экономики и торговли, стимулированное войной с Китаем 1894 г.; 3) «коллективная сплоченность и солидарность руководителей и специалистов в профессиональной среде. Поставленная кем-то цель становилась общей целью, и эта общая цель в первую очередь не должна была нанести урон укреплению страны»; 4) «запросто установившееся никогда не будет по-настоящему крепким» [5].

В ходе гражданской войны алашординцы так и не смогли стать значимым фактором геополитических баталий. Антисоветские силы стремились использовать их в мобилизации ресурсов на войну. Для большевистской внешнеполитической стратегии признание алашординцами советской власти, последовавшее в результате поражения белых на Урале и в Сибири, было одним из эпизодов в продвижении по своеобразному коридору для мировой революции на колониальном Востоке. При этом т.н. «первобытный коммунизм», отсутствие капитализма и сохранение общинного уклада представлялись весомыми обстоятельствами в

пользу облегченного и даже естественного восприятия ими коммунистических идей. Замнаркомнаца С.С. Пестковский, вскоре ставший председателем ВРК по управлению Киргизским краем, писал в 1919 г.: «Теперь же Туркестану суждено быть воротами из Европы в Азию: из Советской России, теперешнего центра мировой революции, должны вливаться через Туркестан в Азию идеи социального и политического освобождения многострадальных трудовых масс Востока как от туземных, так и от пришлых поработителей. ...Имея за собой мусульман Туркестана, будем иметь Афганистан и Персию, а оттуда откроем путь для нашего воздействия на Индию и Монголию» [6].

Однако эти стратегические замыслы оказались мало связаны с оперативной реальностью. Именно весной-летом 1918 г. Ленин приходит к выводу, что сил на ведение революционной войны нет, надо «отступать, лавировать и выжидать». Сложнейшие коллизии гражданского, межэтнического, социального конфликтов в мультикультурном регионе, где ожесточение 1916 г. сохранялось практически повсеместно, погружали большевиков в тяжелую и почти непредсказуемую борьбу за власть. Не случайно Сталин признавал: «Обстановка Туркестана такая, что в ней кто хочешь голову себе сломит» [7].

Между тем казахской элите в советском проекте представился новый шанс сыграть значимую роль в международном противостоянии. Это было обусловлено активной ролью казахских большевиков в истории советского Туркестана. Инструментальный смысл мировой революции был взят на вооружение председателем Мусбюро Компартии Туркестана Т. Рыскуловым. Не османизм, а тюркизм он представлял символом и целью самоидентификации. Предложение Рыскулова о создании т.н. Тюркской республики и Тюркской компартии породило политический кризис и вынудило центр на дополнительные меры. В январе 1920 г. на объединенном заседании Крайкома, Краймусбюро и Комитета иностранных коммунистов КПТ и представителей Турккомиссии по вопросу об автономии Туркестана развернулась дискуссия о Туркестанской или Тюркской автономии. Ш.З. Элиава, «подробно остановившись на вопросе самоопределения наций здесь, на Кавказе и в России, сделав им сопоставление и оценку в значении мировой революции, говорит, что если зафиксировать полностью заключение тов. Рыскулова, то это будет противоречить духу и мысли нашей коммунистической программы. Не возражая против строительства по условиям быта, тов. Элиава указывает, что в резолюциях мы должны выносить такие решения, которые сближали бы народности и не давали никаких притязаний к республике, причем утверждает, что вопрос о тюркской автономности может затянуть развитие социальной революции среди других народностей». Рыскулов, отстаивая идею Тюркской республики, подчеркнул: «мы войной на Бухару и Афганистан не пойдем, а будем разлагать их идейно», а вот мелкие национальности киргизов, узбеков не должны разъединяться. Звучали предложения использовать самоопределение наций в деле освобождения от европейского давления и мусульманского капитала, чтобы объединение тюркских народов дало возможность нанести удар давлению Западной Европы.

Голощекин недвусмысленно призвал разделить утопические мечтания и реальные возможности: «Надо сначала поставить вопрос: идеал это или необходимость. Идеал – это стремление срыть границы, уничтожить национальные перегородки, и необходимость – это самоопределение, через которое надо проходить. Если какая нация будет самоопределяться, то мы войной против нее не пойдем. В России эти нации уже определились, и теперь выходит, что пожалуйста в Туркестан. Здесь говорят об уничтожении национального деления и сами же создают это деление. Здесь нет того, чтобы соседи Афганистан и Бухара бросили своих ханов и присоединились к Советской Республике, а скорее наоборот и скорее большой вопрос в том, кто здесь явится притягивающей силой – коммунисты или афганский эмир. Наша задача – ... подвигаться на Восток и Запад».

Рыскулов считал: «...здесь надо создать единую, нераздельную, могучую партию, которая оказала бы влияние на коренное население и сопредельные страны, укрепила бы строительство и т.д.». Недавний меньшевик, глава Ташкентского совета Г.И. Бройдо поддержал его и отметил, что Туркестан следует рассматривать как форпост революции на Востоке. Он заявил: «Если бы Туркестан являлся хвостом в революции, то это не так важно, но он, с точки зрения 3-го Интернационала и мировой революции, является лабораторией, которая изготавливает вещество для воспламенения революции в Персии, Афганистане и Бухаре. Мы, русские, кроме как с ружьем, ничего не сделаем, за это нас называют империалистами. Республика же тюркских народов может сделать иначе» [7].

В итоге резолюция об автономии и Конституции Туркестана по докладу Рыскулова, принятая 3-м краевым мусульманским съездом РКП(б), прямо указывала: «...важной стороной программы Коммунистической партии для достижения своих мировых целей в классовой борьбе является освобождение колоний и полуколоний от империалистического ига, т.е. освобождение угнетенного Востока, каковые цели, главным образом, должна преследовать соприкасающаяся с Востоком авангард мировой революции – Советская Россия через свои федеративные единицы. ... угнетенный Восток стоит на платформе Третьего Интернационала и в борьбе с мировым империализмом является не только его временным союзником, но и в этой борьбе должен сыграть решающую роль». Туркестан же объявлялся местом, призванным дать пример всему Востоку. В полном соответствии со стратегией мировой революции Т. Рыскулов включил в резолюцию следующий пункт: «Географическую границу Туркестана в пределах пяти его областей не считать какой-либо замкнутой границей теперь при социалистическом строе, когда не только территориальные границы, но должны быть постепенно уничтожены и границы между нациями, поэтому в состав Тюркской Советской Республики считать возможным прием новых желающих войти в нее членов Республики». Он считал необходимым «провести путем коммунистической агитации идею уничтожения стремления тюркских народностей делиться по существу и по названию».

Мем «мировая революция» стал для группы Рыскулова важным средством внушения центру необходимости своего проекта. Рыскулов и Т. Ходжаев писали Ленину, что их инициатива выгодна для «поднятия авторитета коммунистической партии в глазах соседних народов Востока и учитывая громадную роль, которую должен сыграть ЦК Партии тюркских народов в истории революционного движения Востока». В докладе полномочной делегации Туркестана в ЦК Рыскулов писал в мае 1920 г., что «Советская Россия, ведя одновременно оборонительную борьбу с империализмом при затянувшемся ходе социальной революции на Западе, могла бы гораздо более ускорить темп этой революции путем скорейшего вовлечения в эту борьбу колоний и полуколоний капиталистических держав. ...Советская Россия и западный пролетариат должны всеми силами официально поддерживать это «национально-освободительное движение» и борьбу восточных народов за «независимость», ибо последние содействуют успешности мировой социалистической революции и раскрывают сущность колониальной политики империализма.

Идея мировой революции использовалась как один из базовых аргументов в пользу проекта Рыскулова: «Весь Восток «чутко» прислушивается к тому, что делается в Туркестане».

Накануне 2 конгресса Коминтерна представители Туркестана, Башкирии и Казахстана призывали Ленина: Восток должен «быть членом мировой федерации коммун». Более того, «Индия должна быть освобождена мусульманским пролетариатом при помощи Советской России и обязательно до революции в Лондоне. ...Если революция в Индии будет после революции в Лондоне, то назначаемые английским ЦИК комиссары будут рассматриваться как новые заместители вице-королей. Никаких делений помощи по старым признакам – надо

делить так, как потребует мировая революция». Однако, судя по всему, Ленин относился к взаимосвязи региональных проблем с антиколониальной борьбой на Востоке достаточно прагматично. Как известно, 22 июня на заседании Политбюро в ряду предложений по поводу инициатив туркестанцев он, в частности, отметил: «общей задачей ставить свержение феодализма, но не коммунизм» [7]. В постановлении ничего не говорилось о связи проблем Туркестана с мировой революцией и внешнеполитическими проблемами.

Меж тем Валидов и Рыскулов гораздо активнее вводили фактор мировой революции во внутривосточный дискурс: только «изгнание русских колонизаторов» из Туркестана может помочь мировой революции на Востоке: «нам необходимо взять в свои руки руководящие нити Востока и приложить все усилия к его революционизированию. [...] Разрешит ЦК или нет, но съезд нужно созвать. Т. Рыскулов: Мы проработали 2–3 года, но практически ничего не сделали. 1, 2, 3 конгрессами Интернационала колониальный вопрос ставился, но правильного разрешения не получил. Революции на Западе не было, причина объясняется тем, что Запад зиждется на Востоке, – там все поделено буржуазией».

Выступление Т.Р. Рыскулова на II Всероссийском совещании коммунистов тюркских народов 7 марта 1921 г. также было нацелено на увязку эффекта от реализации конкретных аспектов советской этнополитики в Средней Азии с имиджем РСФСР на Востоке и международным положением. «Мы, тюркские коммунисты, являющиеся более или менее активными среди восточных коммунистов, заинтересованы тем, чтобы вожди мировой революции, руководящие органы мировой революции понимали ту обстановку на Востоке, которая создалась в данный момент. ... Сейчас кемалистская Турция хочет заявить, что не Советская Россия будет возглавлять движение тюркских народов, предводимых ею. И надо признать, что они правы. ... Антанта на Востоке готовит нам обширный план контрреволюционного движения, открывая наши окраины, мы должны быть начеку» [7]. Идеи интернационального братства народов для этого поколения большевиков были органической частью их романтических представлений о неизбежном торжестве социальной справедливости во всем мире и для всех, «кто был ничем» в мире насилия и эксплуатации, как говорилось в партийном гимне «Интернационал».

Заключение

Итак, казахская степь не была полем геополитической борьбы мировых держав. Это обусловило и поведение казахской элиты в транзите Евразии от империи к СССР. Идея мировой революции играла амбивалентную роль в общей и региональной стратегии большевиков. К тому же разные группы большевиков-националов и представителей центральной власти использовали эту стратегическую установку для решения вполне практических задач. Центральная власть гораздо быстрее перешла от революционной романтики к непосредственному государственному строительству, в т.ч. к обеспечению безопасности в границах традиционного пространства Российской империи. С этим связана и эволюция статуса центральноазиатских республик в составе советской федерации. К концу 1920-х гг. понятие «мировая революция» остается в политическом лексиконе большевиков главным образом как некий мобилизующий символ и один из непереносимых мемов советской пропаганды. Азиатские республики превращать в автономии было уже нецелесообразно по международным и внутривосточным соображениям.

Литература:

1. Уяма Т. Восстание, рожденное в войне: влияние первой мировой войны на катаклизм в Центральной Азии в международном контексте // Туркестанское восстание 1916 г.: факты и интерпретации. – М.: ИРИ РАН, 2016. – С. 77-86.

2. Христофоров В. С. Степной край в политическом, экономическом и культурном пространстве Российской империи: взгляд российской контрразведки (1914-1917 годы) // Новая и новейшая история. – 2020. – Вып. 2. – С. 146-156.
3. Ғаббас. Алаш автономиясы. 1918. 22 январь // Алаш көсемсөзі. 10 кітап. Сарыарқа. – Алматы, 2011. – С. 79-83.
4. Алаш-Орда. Сб. документов. – Кзыл-Орда: Казиздат, 1929. – 169 с.
5. М. Ауезов. Времен связующая нить // <https://mysl.kazgazeta.kz/news/10397> (дата обращения 20.05. 2021)
6. Пестковский С. Туркестан и мировая революция // Жизнь национальностей. – 1919. – № 20(28).
7. Россия и Центральная Азия. Конец XIX – начало XX века. Сб. документов и материалов. – М.: Новый хронограф, 2017. – 592 с.
8. Моисеев В.А. О военном деле и войнах Джунгарского ханства // Из истории международных отношений в Центральной Азии (Средние века и Новое время). Алма-Ата: Ғылым, 1990.
9. Моисеев В. Джунгаро-казахские отношения в XVII–XVIII веках и политика России // Вестник Евразии. 2000. № 2.
10. Моисеев В.А. К вопросу о государственности у казахов накануне и в начальный период присоединения Казахстана к России // Восток (Oriens), 1995. № 4.
11. Мустафина Р.М. Ислам и городская культура на территории Казахстана // Урбанизация и номадизм в Центральной Азии, 2004.
12. Мухаммад Хайдар. Тарих-и Рашиди (Рашидова история) // Материалы по истории казахских ханов XV–XVIII веков (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата: Наука, 1969.
13. Набиев Р.Н. Из истории Кокандского ханства (Феодальное хозяйство Худояр-хана). Ташкент: Фан, 1973.
14. Наливкин В. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886.
15. Неразик Е.Е. Приаралье: некоторые экологические аспекты этнического развития // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Вып. II. История и археология. М.: Наука, 1990.
16. Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутривосточного курса и судьбы армии и флота. 1730–1735 гг. СПб.: Алетейя, 2001. С. 131.
17. Пищулина К.А. Присырдарьинские города и их значение в истории казахов в XV–XVII веках // Казахстан в XV–XVIII веках (Вопросы социально-политической истории). Алма-Аты: Наука, 1969.
18. Пищулина К.А. Юго-Восточный Казахстан в середине XIV–начале XVI веков (вопросы политической и социально-экономической истории). Алма-Ата: Наука, 1977.

References:

1. Ujama T. Vosstanye, rozhdennoe v vojne: vlyjanye pervoj myrovoj vojnyy na kataklyzm v Central'noj Azyy v mezhdunarodnom kontekste [Rebellion Born in War: The Impact of the First World War on the Cataclysm in Central Asia in an International Context] // Turkestanskoe vosstanye 1916 g.: faktyy u ynterpretacyy. – М.: IRH RAS, 2016. – 77-86 p. [in Russian].
2. Hrystoporov V. S. Stepoj kraj v polytycheskom, ekonomycheskom y kul'turnom prostranstve Rossyjskoj ymperyy: vzgljad rossyjskoj kontrrazvedky (1914-1917 godyy) [Khristoforov V. S. Steppe region in the political, economic and cultural space of the Russian

- Empire: the view of Russian counterintelligence (1914-1917)] // Новая и новейшая история. – 2020. – Вып. 2. – 146-156 p. [in Russian].
3. Ghabbas. Alash avtonomyjasyu. 1918. January 22 [Alash autonomy. 1918. January 22] // Alash kösemsezi. 10 kitap. Saryarka. – Almaty, 2011. – 79-83 p. [in Kazakh].
4. Alash-Orda. Sb. dokumentov. [4. Alash-Horde] – Kzyyl-Orda: Kazyzdat, 1929. – 169 p. [in Russian].
5. M. Auyezov. Vremen svyazuyushchaya nit' // <https://mysl.kazgazeta.kz/news/10397>. (data obrashcheniya 20.05. 2021) [Электронный ресурс] [in Russian].
6. Pestkovskiy S. Turkestan y myrovaja revoljucyja [Pestkovsky S. Turkestan and the World Revolution] // Zhyzn' nacyonal'nostej. – 1919. – № 20(28). [in Russian].
7. Rossyja y Central'naja Azyja. Konec XIX – nachalo XX veka. Sb. dokumentov y materyalov. [Russia and Central Asia. Late XIX - early XX century] – M.: New chronograph, 2017. – 592 p. [in Russian].
8. Moiseev V.A. O voennom dele i vojnah Dzhungarskogo xanstva // Iz istorii mezhdunarodny`x otnoshenij v Central`noj Azii (Srednie veka i Novoe vremya). Alma-Ata: Gy`ly`m, 1990. [In Russian].
9. Moiseev V. Dzhungaro-kazaxskie otnosheniya v XVII–XVIII vekax i politika Rossii. Vestnik Evrazii. 2000. № 2. [In Russian].
10. Moiseev V.A. K voprosu o gosudarstvennosti u kazaxov nakanune i v nachal`ny`j period prisoedineniya Kazaxstana k Rossii // Vostok (Oriens), 1995. № 4. [In Russian].
11. Mustafina R.M. Islam i gorodskaya kul`tura na territorii Kazaxstana // Urbanizaciya i nomadizm v Central`noj Azii, 2004. [In Russian].
12. Muxammad Xajdar. Tarix-i Rashidi (Rashidova istoriya) // Materialy` po istorii kazaxskix xanov XV–XVIII vekov (Iz vlecheniya iz persidskix i tyurkskix sochinenij). Alma-Ata: Nauka, 1969. [In Russian].
13. Nabiev R.N. Iz istorii Kokandskogo xanstva (Feodal`noe xozyajstvo Xudoyar-xana). Tashkent: Fan, 1973. [In Russian].
14. Nalivkin V. Kratkaya istoriya Kokandskogo xanstva. Kazan`, 1886. [In Russian].
15. Nerazik E.E. Priaral`e: nekotory`e e`kologicheskie aspekty` e`tnicheskogo razvitiya // Problemy` e`tnogeneza i e`tnicheskoy istorii narodov Srednej Azii i Kazaxstana. Vy`p. II. Istoriya i arxeologiya. M.: Nauka, 1990. [In Russian].
16. Petruxincev N.N. Czarstvovanie Anny` Ioannovny`: formirovanie vnutripoliticheskogo kursa i sud`by` armii i flota. 1730–1735 gg. SPb.: Aletejya, 2001. S. 131. [In Russian].
17. Pishhulina K.A. Prisy`rdar`nskie goroda i ix znachenie v istorii kazaxov v XV–XVII vekax // Kazaxstan v XV–XVIII vekax (Voprosy` social`nopoliticheskoy istorii). Alma-Aty`: Nauka, 1969. [In Russian].
18. Pishhulina K.A. Yugo-Vostochny`j Kazaxstan v seredine XIV–nachale XVI vekov (voprosy` politicheskoy i social`no-e`konomicheskoy istorii). Alma-Ata: Nauka, 1977. [In Russian].

Аманжолова Д.А.

РФА Ресей тарихы институты, Мәскеу, Ресей

E-mail: amanzholova19@mail.ru

1917-1920 ЖЫЛДАРДАҒЫ ГЕОСАЯСИ ӨЗГЕРІСТЕР ЖАҒДАЙЫНДАҒЫ ҚАЗАҚ ДАЛАСЫ

Аңдатпа. Мақала әлемдік революция идеялары контекстіндегі ХХ ғасырдың басындағы геосаяси процестердегі қазақ элитасының рөлін талдауға арналған. Зерттеудің негізгі мақсаты-қазақ элитасының геосаяси жағдайдағы өзгерістерге реакциясын, олардың

стратегиясындағы әлемдік революция идеясын және осы идеялар контекстінде орталық билікпен өзара іс-қимылын қарастыру. Мақала авторы тарихи дереккөздерді (газеттер, журналдар, мақалалар, кітаптар) талдау, салыстырмалы талдау, сыни талдау және тарихи талдау сияқты әртүрлі зерттеу әдістерін қолданады. Зерттеудің негізгі міндеттері ХХ ғасырдың басындағы геосаяси процестерге қазақ элитасының көзқарастарына кешенді талдау жүргізу және әлемдік революция идеяларының олардың стратегиясына әсерін бағалау болып табылады. Мақала Қазақстан мен Орталық Азия тарихын зерттеуге құнды үлес қосады. Оны зерттеушілер, саясаткерлер және жалпы жұртшылық ХХ ғасырдың басындағы күрделі динамиканы жақсырақ түсіну үшін пайдалана алады. Мақаланың жаңалығы-автор қазақ элитасының орталық билікпен қарым-қатынасының кейбір аспектілеріне жаңа көзқарас ұсынады. Зерттеу нәтижелері көрсеткендей, қазақ элитасы ХХ ғасырдың басындағы геосаяси процестерде белсенді рөл атқарды. Дүниежүзілік революция идеялары олардың стратегиясына айтарлықтай әсер етті. Қазақ элитасының орталық билікпен өзара іс-қимылы күрделі және даулы болды.

Түйін сөздер: қазақ элитасы, геосаясат, әлемдік революция, ұлтшылдық, алашордашылар, большевиктер, Түркістан.

Amanzholova D.A.

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

E-mail: amanzholova19@mail.ru

THE KAZAKH STEP IN THE CONDITIONS OF GEOPOLITICAL TRANSFORMATIONS 1917-1920

Abstract. The article is devoted to the analysis of the role of the Kazakh elite in the geopolitical processes of the early XX century in the context of the ideas of the world revolution. The main purpose of the study is to examine the reaction of the Kazakh elite to changes in the geopolitical situation, the ideas of the world revolution in their strategy and interaction with the central government in the context of these ideas. The author of the article uses various research methods such as analysis of historical sources (newspapers, magazines, articles, books), comparative analysis, critical analysis and historical analysis. The main objectives of the study are to conduct a comprehensive analysis of the views of the Kazakh elite on the geopolitical processes of the early 20th century and to assess the influence of the ideas of the world revolution on their strategy. The article makes a valuable contribution to the study of the history of Kazakhstan and Central Asia. It can be used by researchers, politicians and the general public to better understand the complex dynamics of the early 20th century. The novelty of the article is that the author offers a new perspective on some aspects of the relationship between the Kazakh elite and the central government. The results of the study show that the Kazakh elite played an active role in the geopolitical processes of the early twentieth century. The ideas of the world revolution had a significant influence on their strategy. The interaction of the Kazakh elite with the central power was complex and contradictory.

Key words: Kazakh elite, geopolitics, world revolution, nationalism, Alashordins, Bolsheviks, Turkestan.

Сведения об авторе:

Аманжолова Дина Ахметжановна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, Москва, Россия.

Автор туралы мәлімет:

Аманжолова Дина Ахметжанқызы, тарих ғылымдарының докторы, профессор, РҒА Ресей тарихы институтының бас ғылыми қызметкері, Мәскеу, Ресей.

Information about author:

Amanzholova Dina Akhmetzhanovna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Scientific Associate of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.